

коварстве, с каким было совершено преступление, подробно рассказывает Ярополк в самом начале трагедокомедии. Для понимания события, поставленного в центр проблематики пьесы, и для донесения глубины происходящих в душе Владимира перемен важно было не только обозначить низшую ступень, на которой до этого пребывала душа Владимира, но и освятить процесс принятия им решения высшим авторитетом канонизированной святости. Носителями такового являлись его сыновья. Поэтому присутствием Бориса и Глеба в качестве советников Владимира при совершении им поворотного для судеб России исторического события Феофан Прокопович как бы освящал этот шаг князя, подчеркивая не столько государственно-политический аспект данного поступка, сколько нравственную сторону его выбора.

В этой связи особое значение имеет уяснение функции в композиции всей пьесы уже упоминавшегося нами эпизода из I действия, связанного с появлением исходящей из ада тени убитого Владимиром его брата Ярополка. Представляется даже не столь важным вопрос об источниках этого приема, восходящего, по-видимому, к трагедиям Сенеки, как уже не раз отмечалось комментаторами и исследователями. Гораздо важнее понять, почему пьеса, посвященная столь возвышенному сюжету, начинается со сцены, в которой главный герой представлен далеко не в положительном свете. Выполняя в системе композиции роль своеобразного экспозиционного введения (именно Ярополк сообщает Жериволу о готовящемся принятии Владимиром христианства), сцены с Ярополком создают необходимые предпосылки для оценки подлинного значения поступка Владимира. Не следует забывать, что Владимир был также канонизирован в качестве святого, хотя и позднее, чем его сыновья. При этом путь его к святости был более труден. Рассказом Ярополка драматург как бы «пишет» первую половину жития святого равноапостольного князя до того момента, как оказавшемуся на Киевском престоле Владимиру снизошла Божия благодать — мысль об обращении к христианству. Тем самым состояние звероподобия, в котором пребывают, с точки зрения христианского учения, язычники и воплощением которого выступают в трагедокомедии жрецы, до известной степени, по крайней мере в экспозиции, распространяется и на Владимира. Выход из этого состояния и приведение к истинной вере целого народа — есть душевный подвиг. Раскрытие драматизма его свершения составляло содержание пьесы. Но в свете такого подхода требует известной корректировки традиционно сложившийся взгляд на трагедокомедию как только на публицистически заостренную форму защиты петровских преобразований. При таком подходе преподаватель Киево-Могилянской академии, каким был Феофан Прокопович в момент создания трагедокомедии, невольно превращается в сподвижника Петра I, а содержание «Владимира» начинает оцениваться в контексте идей «Духовного регламента», что с исторической точки зрения недопустимо. Можно, конечно, поражаться прозорливости молодого драматурга, вписавшегося со своей пьесой в контекст реформаторских начинаний русского монарха в начале XVIII в.,